

Посвящается музыкантам

Так или иначе, наряду с развитием психически здорового “я” в здоровом мире всегда, я думаю, идет, хоть и в разной степени, развитие безумного “я” в сотворенном им же самим безумном мире.

РОДЖЕР МАНИ-КЕРЛ
“О боязни сумасшествия”

НАНА: Не должна ли любовь быть единственной истиной?

ФИЛОСОФ: Для этого любовь всегда должна быть истинной.

ЖАН-ЛЮК ГОДАР
“Жить своей жизнью”

Зимнее время — женское время...

СИЛЬВИЯ ПЛАТ
“Зимовка”

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В вышину

7 ДЕКАБРЯ 1962 ГОДА

1

Он лежал на лакированной деревянной доске, которой был накрыт радиатор. Доска в ширину была как его плечи, и он знал по болезненному опыту, что надо подняться таким манером, каким оживший мертвец мог бы сесть в гробу. Крутанешься набок и окажешься на полу.

Высокое окно над радиатором было занавешено тонкими занавесками в полоску — узор из коричневых, зеленых и красных линий. Он отвел уголок и выглянул. Вселенская глубь, самое сердце ночи, сквозь туман горит единственный оставленный огонек над дверью трудотерапии.

Который час? Он высеивал время из воздуха, из множества мелких подсказок в нем. О наличии того, об отсутствии этого. Когда он только поступил, у него были часы на коричневом кожаном ремешке, из лучших его вещей. Удалось сохранять их две недели, пока не стибрили. Он знал кто: человек, который через полгода умер в столовке, вдохнув полный рот картофельного пюре. Часы, должно быть, отдали его родственникам вместе с десятком разного

прочего из его тумбочки. Они, может быть, удивились: даже и не знали, что у него есть такая симпатичная вещь.

Он отпустил занавеску. Интересно, что его разбудило. Не было ни крика, ни суеты, ни бегущих ног. Полная тишина. Общая комната, где он лежал, обширная, с высоким потолком, была пуста. Но где-то что-то переменялось. Что-то либо свалилось наземь, либо вознеслось ввышину.

Он одним махом сел на доске, спустил ноги. Пригладил волосы, какие оставались, и окинул взглядом комнату. Строгого вида маленькие столы, строгого вида стулья при них, пепельницы из фольги. На стене, привинченная и вне досягаемости, картина с аэростатами; на противоположной стене, тоже привинченное и тоже высоко, фото молодой королевы в коронационной мантии.

Кроме обуви, он был полностью одет. Коричневый костюм в тонкую полоску, под пиджаком кардиган — подарок от дочери, младшей из двух, на прошлое или позапрошое Рождество. Красный, шерстяной, теплый, правда, чуть великоват — всегда был или становится. Старшая уже годы как не появлялась. Раньше это его, кажется, тревожило. Теперь перестало.

Не сонный теперь, с ясной головой в один из промежутков, когда то, что ему дают, утрачивает силу, он встал, нашел устойчивое положение и двинулся вперед. В одних носках мог перемещаться почти беззвучно. Из общей комнаты в коридор. В общей пол был деревянный, но в коридоре плитка из линолеума, геометрические фигуры, яркие цвета. Тут не зависнуть бы, не пытаться наступать только

на зеленые квадраты, не застрять на красном треугольнике. Плитки были новые, часть общего плана сделать тут все оптимистичней. На эту тему к ним обратился директор больницы. Целую речь произнес в церкви после воскресной службы из-за черной деревянной кафедры. “Пришло время перемен, дамы и господа! Мы вступаем в эру возможностей!” Через несколько недель появились плитки, а в столовке поставили репродуктор, он играл одни и те же три вальса снова и снова, пока один в военном кителе и со шрамами на лице, новый здесь, не прихлопнул его стулом.

Дверь ординаторской была открыта. В кресле, тихонько похрапывая, сидела фигура в белом пиджаке. Иэн, эту неделю он ночами. На канцелярском шкафу потерявший волну радиоприемник шипел, как газ при утечке, потом вдруг высказался, что-то спросил на незнакомом языке. Рядом с приемником пустая пивная бутылка и пачка “вудбайнов” без фильтра. Он потянулся от двери, вытащил одну из оставшихся сигарет и сунул в карман кардигана. Часы в ординаторской показывали без десяти пять.

Дальше по коридору одна из задних палат. Каждая палата носила название, эта называлась “Фермер”. Двадцать коек по одну сторону, двадцать по другую. Вдоль всего помещения ночники изливали свет, похожий на растопленный воск. Он двинулся по центральному проходу, поглядывая на головы, спящие, кроме нескольких, глядевших ему навстречу. Ни один не бормотал сейчас, не скулил. Из всех часов дня и ночи этот был самый оголенный. Никто снаружи не шел по дороге ни к ним,

ни от них. Внутри даже самые беспокойные наконец утомонились, обессилев. Два часа до конца ночной смены.

Вот его собственная койка, над крючком, где висит другой его пиджак, табличка с именем и фамилией: Мартин Ли. Дальше по той же стороне койка Стивена Стори; он дошел и остановился у железного изножья. Взбугренная постель с подушкой под одеялом создавала ложную фигуру спящего — можно, пожалуй, и обмануться, глядя от двери.

Это, что ли, его разбудило? Стивен? Он был сыночком всей палаты, совсем скоро ему домой, до Рождества точно. Юноша, позавчерашний мальчик, он писал мелким аккуратным почерком в маленьких тетрадках, которые ему привозила мать. Когда санитарная машина не спеша доставила его откуда-то, где то ли его не хотели держать, то ли не могли с ним справиться, в первые недели он резал себе кисти рук всем, у чего был какой-никакой край, но это ему поправили. Он играл в шахматы с каждым, кто соглашался сесть за доску. В классе деревообработки у мистера Хичкока они с Мартином последнее время сидели на скамье рядом. Делали игрушки всех видов: деревянные лодочки для прудиков, детские пушечки, волчки. У него была волна каштановых волос и приятная улыбка, застенчивая, хотя в глаза тебе он был не прочь посмотреть. Раз его застали поющим в полном одиночестве под навесом у футбольного поля. Даже персоналу здесь было ясно, что он достоин будущего. Так где же он?

За палатой умывальня. Мартин поискал его среди капающих кранов, вдыхая запах мокрых поло-

тенец. Тут не было ночников, но сквозь одно из матовых стекол просачивался свет наружного фонаря. Откуда-то шло шипение. Он нашел этот кран и поддержал пальцы под витой струйкой. На полочке наверху стояла широкая склянка. Он взял ее, потрянул. Сколько там, половина? Поставил ее обратно и закрыл кран. Кабинки были у него за спиной, но он не стал туда лазить. Человек, даже если молчит и совсем неподвижен, потрескивает, как радиомачта, и Мартин знал, что он тут один.

Еще одна дверь, бывает заперта, бывает нет. Сегодня поддалась толчку. Цветные плитки кончились, тут уже идешь по камню. Он нашарил на стене выключатель. Зажглась единственная лампочка под металлическим абажуром шагах в десяти, где проход пересекался с другим. По обе стороны виднелись крепкие двери с засовами и глазками. Большинство помещений за ними сейчас использовались как складские, но одно сохранили для прежних целей. Он заглядывал в глазок за глазком и видел мрак, громоздящийся кучей, как уголь в подвале. Кое-где в здании, и здесь в том числе, будто бы водились привидения, но это его не волновало. Он подумал, что готов, если надо, подать привидению руку помощи и они, вероятно, это понимают.

Где проходы пересекались, он помедлил под лампочкой. Если направо, там пожарный выход. На лево прачечная. Он повернул налево. Было чувство, что Стивен где-то впереди, совсем близко. Чем дальше от лампочки, тем больше проход ослаблялся тенью, но он видел, куда идти, и мог бы обойтись и вовсе без света. Двустворчатая дверь прачечной была открыта, и он вошел. Пол был изъезжен ко-

лесами тележек. Он осторожно перемещался среди стальных чанов и странных машин, которые выжимали и гладили постельное белье. Тут работали женщины. Можно было видеть, как под вечер они возвращаются в своих синих халатах в женское крыло больницы.

К прачечной примыкала сушильня. На деревянных рамах, поднятых к потолку, висели простыни. От электрической лампы на боку бойлера разливался прохладный голубоватый, как бы лунный свет. Пахло щелоком и чем-то чуточку горьким, словно белье, как ни старались, не могли выстирать дочиста. Середину помещения занимал большой, будто на два десятка пирующих, стол. Там массивным снежным наносом были навалены сложенные простыни и полотенца. А на них, растянувшись во всю длину, лицом кверху, одетый, но не обутый, лежал Стивен Стори. Глаза закрыты, рот — не совсем. Кисть одной руки покоилась у пряжки ремня, другая съехала, раскрытая ладонь лежала сбоку подле черной ткани брюк. К галстуку бельевого прищепкой был прикреплен конверт. *К сведению тех, кого это касается.* Конверт был больничный. Должно быть, он сходил заранее в ординаторскую и попросил у медбрата.

Мартин притронулся к нему — к щеке, к шее. Кожа не совсем еще остыла, но была на ощупь холодней воздуха, вроде как нож в ящике стола. Он произнес имя Стивена, тихонько, словно обращаясь к спящему, и постоял минутку — тень, замершая среди приглушенных голосов ее собственного прошлого. Подумал было вытащить одну из простынь и прикрыть его, но Стивен вполне мог сам

это сделать и не сделал. И тут не чувствовалось ничего неподобающего. Он видел в свое время неподобающее, стоял перед ним семнадцать лет назад с фотоаппаратом, апрельский день, лес где-то между Везером и Эльбой. Но тут другое, тут не надо ничего прятать, поспешно закапывать. Тут царила дружеская на свой лад атмосфера, как за кулисами театра, такое место он и сам мог бы выбрать, может быть, и выберет еще.

Он отступил от стола, помедлил, поклонился так низко, как позволяла плохо гнущаяся спина, и вернулся в проход. Дошел до одинокой лампочки на потолке и двинулся дальше к пожарному выходу. Там нащупал в кармане кардигана сигарету, полез в пиджак в поисках спички, нашел и чиркнул о стену. Первое время здесь ему по очевидным причинам не позволяли спички, но потом (после второго сеанса шоковой? после третьего?) он разочаровался в огне.

Он прислонился к стене и закурил. “Вудбайны” делали на фабрике в городе. Там нетрудно было получить работу, особенно женщинам, девушкам. Некоторые в больнице работали там раньше, а иные наоборот — из больницы на фабрику. Обмен своего рода. Он курил, пока пальцы не укусило горячим. Затухнул о стену. Искры слетели на пол.

Между мастерской металлообработки и пожарным выходом была кнопка сигнализации в застекленном ящике. Он ударил по стеклу локтем, нажал на ребристую латунную кнопку, а затем отодвинул дверной засов и вышел в остатки ночи. Туман стоял очень густой. Больничная церковь еле угадывалась. А женского крыла совсем не было видно. Привкус

канав, зимних полей. Море? Он пошел вперед. Туман расступался и тут же смыкался у него за спиной. Сколько было таких сновидений! Сзади загорались первые окна, и за тонкими занавесками все ревело.